

Июль, 1982, 2 авг.

В биографии, написанной, по всей вероятности, специально для театрального общества, Герой Социалистического Труда народная артистка СССР Верико Анджапаридзе была чрезвычайно скупа: родилась в 1900 году в Кутаиси, в 1916-м уехала в Москву. Поступила на драматические курсы при Малом театре. В 1918 году возвратилась в Тбилиси. С 1923 года работала в театрах Грузии с Котэ Марджанишвили. С 1934 года — в театре имени Марджанишвили. Там и работает по сей день.

Добавлю: она большая трагическая актриса. Среди сыгранного ею — Офелия, Дездемона, Клеопатра, Мать К. Чапека, Медея, Юдифь... Сейчас, в 82 года, она по-прежнему гордится грузинской сценой («...когда она выходит на сцену, мы не дышим», — сказали мне в театре), глава большой семьи, хозяйка дома. Ее муж — народный артист СССР, кинорежиссер Михаил Чиаурели, дочь — известная артистка театра и кино, народная артистка Грузинской ССР Софиико Чиаурели.

Вспоминаю одну из наших встреч: в Тбилиси, в доме Верико Анджапаридзе и Михаила Чиаурели, мы снимали для телевизионной передачи размышления Софиико Чиаурели о доме, в котором выросла, об отце, о матери. Верико сидела с нами, с группой, слушала внимательно и пристально, порой чуть иронично. Заранее договорились мы с ней о том, что в разговор вступит, если захочется, если не возникнет желания отмолчаться.

...Софиико рассказывала о том, как не просто быть дочерью знаменитых родителей, как сложно искать свой путь в театре, о стремлении с юности быть непохожей на свою великую мать. Верико резко встала, села рядом с дочерью и довольно сурово прервала плавность и интонацию разговора.

Стало ясно, что передача неожиданно «кренится» в другую (нами не запланированную) сторону, приобретает другие краски и оттенки. Другой масштаб. (В передаче «Народная артистка Грузинской ССР Софиико Чиаурели» зрители видели фрагмент этой съемки, по моему, один из лучших моментов передачи).

Я передаю сказанное Верико подробнее, почти дословно.

— Вот Софа говорит, что всю жизнь не хотела походить на меня, хотела идти своим путем. Наверное, это правильно, но я думаю, что все это поколение актерское, включая мою дочь, при всем желании на нас похоже не будет. Мы другие, мы выросли на других дрожжах. Мне трудно при ней об этом говорить. Наверное, я предъявляю очень большие требования к Софиико. Но я считаю, что она может больше, чем делает. Может быть, потому, что я не распылялась так, понимаете? У меня все-таки основное и главное, и почти единственное было — это театр. Домой я приносила остатки себя... А Софиико с одинаковым темпераментом делает в жизни несколько дел, и свои роли, и какие-то другие дела... Нельзя многое делать с одинаковым темпераментом, нельзя! Театр требует, и это ты великолепно знаешь, всего человека, со всем своим нутром, с огромным сердцем.

Почему нас носили на руках? Я помню, когда Ушанги Чхеидзе играл Уриэля, впечатление было такое, что у него капает кровь из сердца. А когда я умираю в «Даме с камелиями», у меня слушали пульс перед тем, как дать занавес. Если он был слабым, я радовалась, значит, сегодня хорошо сыграю.

Вы понимаете, есть какие-то вещи... Кроме того, что время было другое, и зритель был другой, и сами актеры были другие...

Верико Анджапаридзе «другая»... Я знаю ее такую последние десять лет, но, судя по рассказам сверстников, по ее личным воспоминаниям, такая «другая» она всю жизнь.

...Она рассказывает о своей сегодняшней жизни в искусстве, о прошлом спокойно, мне кажется, охотно, иногда с чуть уловимым оттенком горечи, неприязни откровенно. К любому интервью не готовится. Просит, точнее требует, чтобы о теме предстоящей встречи, о вопросах ничего не знала.

Потом, в процессе беседы, на ей интересный вопрос отвечать не будет и скажет об этом так жестко и беспощадно, что в следующий раз крепко подумаешь, прежде чем спросить.

— Верико, как-то в одной из бесед вы сказали, что театр в последние годы стал «какой-то среднетемпературный» и что эта средняя температура, как ни странно, зрителя устраивает.

— Я говорила так?

— Говорили...

— Значит, сейчас скажу иначе. Настоящих театралов это не устраивает, не может устраивать. Зритель театральный выносливый и благодарный; когда он бурно реагирует на что-то недостаточно сильное — это его фантазия работает. В наше время, в наш век, когда страсти так накалены, искусство нужно сильное, страстное, впрочем, это всегда нужно людям.

— Смогли бы вы одним, двумя словами определить качества, без которых нельзя быть актером?

— Скажу банальную истину: одержимая любовь к сцене, фанатичная. Испрошу вас в свою очередь: часто ли сегодня она, такая преданность, встречается? Могу ответить за вас: редко, реже, чем хотелось бы. Извините, я старый чело-

вый грузинский театр, был мастером совершенной, яркой художественной формы спектакля, но прежде всего ценил актера, бесконечно доверял ему, раскрывал актеру самого себя.

Марджанов репетировал «Разбойников» Шиллера. Я играла Амалию. На сцене стояла балюстрада фонтана, и он говорил мне: ты будешь на этой балюстраде танцевать, причем танец мы не будем ставить. Ты будешь танцевать, как хочешь, как будешь чувствовать. После свидания с Карлом. Если твой восторг, твоя радость дойдут до предела, ты будешь танцевать, если не будет этого

Я будто окаменела, утратила реальность окружающего. Странно было, что вокруг что-то происходит, идет какая-то жизнь. Но однажды я пришла в театр и попросила дать мне возможность сыграть фру Альзинг в «Привидениях» Ибсена. И я сыграла ее, и мне стало легче. Я высказалась на сцене, открыла сердце людям. Понимаете, вот я живу, воспитываю внуков, помогаю дочери, веду хозяйство. Хожу на рынок, торгуюсь. Как будто активная жизнь, но по-настоящему, сильно, эмоционально я живу только на сцене.

Я уже говорила, что многое она в с...

Верико Анджапаридзе: «ПОНЯТЬ, ЧТО С ТОВОЙ ПРОИСХОДИТ»

век, хочу вспомнить прошлое, но для меня это как будто вчера было.

...Я училась в студии Айдарова в Москве, изредка нас брали на репетиции в Первую студию Художественного театра. Когда репетировал Михаил Чехов, я буквально впадалась в него и ничего больше кругом не видела. Небольшого роста, некрасивый, с непоставленным голосом, но какое сказочное внутреннее преображение! Мне всегда казалось, что каждая репетиция, спектакль стоят ему нескольких лет жизни.

Как то он заметил нас в репетиционном зале и спросил, кто мы. Ученики школы Айдарова, сказали мы гордо.

«Учитесь? Актерству в школе нельзя научиться...» Тогда мы, наверное, не приняли его утверждения, а сейчас я часто думаю, что он в чем-то был очень прав. Пусть убьют меня приверженцы институтов, но я думаю, что актер учится всю жизнь — у партнеров, у больших мастеров, сидя в зрительном зале. Главное, единственное, загадочное, непостижимое — талант!

...Первый раз в жизни я попала во МХАТ на спектакль «Месяц в деревне», сидела в последнем ряду второго яруса, да и этот билет достала с трудом... Потрясения никакого не испытала, все мне казалось будничным, обыкновенным, слишком приближенным к жизни. Так было до той минуты, пока не появился на сцене Станиславский-Ракин. До этого я сидела напряженная, старалась разглядеть лица, глаза актеров, а тут вдруг возникло ощущение, что между мной и им нет расстояния. Я видела близко его глаза, нос, губы, всю его благородную, прекрасную фигуру. Чудо, что-то необъяснимое. Все остальное ушло куда-то, было мне неважно, только его я видела «крупным планом», выражаясь сегодняшним языком. До сих пор помню это свое ощущение, иногда пытаюсь анализировать это чудо... Но я вообще не мастер анализа — и к другим, и к себе... Из сегодняшних актеров очень ценю Ульянова, он может заставить испытать такое.

Я воспитана великим советским грузинским режиссером Котэ Марджанишвили. Он создал настоящий националь-

желания, ты танцевать не будешь. Это же огромное доверие к актеру, огромное...

Он считал, что театр — это праздник... Сцена при нем наполнилась звуками музыки, заиграла тысячами оттенков. Лучших дней грузинская сцена не знала. Я верю, что театр Марджанишвили, много лет после Котэ переживающий трудные времена, снова обретет себя. Только мне до этого ренессанса не дожить. Я свое отгела. У нас в Тбилиси есть театр знаменитый, известный всему миру — театр Руставели. Там прекрасная труппа и очень талантливые художественный руководитель Роберт Стурза. Я их ценю, уважаю, но работать могу и хочу только на марджановской сцене. Сейчас у нас новый художественный руководитель — Темур Чхеидзе, я очень верю в него. Он умеет работать с актером, умеет заставить его, заставить выложиться целиком, без остатка. Он очень умело строит диалог на сцене, а это редкое качество. У него вкус и чувство меры... Мне нравится, что он всегда в театре и его присутствие ощущается, что он очень тихий, все делает как-то негромко, но достаточно твердо. Я вижу, как он ходит по сцене, мягко, неслышно, почти на носках, нежно. Сцена для него, как для меня, святое место... Здесь нельзя кричать или громко беседовать, на ней нельзя ходить полным шагом.

Я часто наблюдаю, как он ходит по сцене один... Я благословляю его на тяжелый, но прекрасный путь. Театр — бездна, и бросает тебя то вверх, то вниз, но, если роман с театром по любви, никуда от него не уйдешь. Знаете, как говорил Марджанов?.. Что же так крепко держит каждую прикоснувшуюся к нему душу? Я думаю — стремление раскрыть свой мир в чужой душе. Сознаться вам, что, помимо опыта, мастерства, любви к театру, во мне появилась в последние годы еще какая-то моя правда... Не знаю, как это сложить в понятные слова!

В жизни я пережила много горя, похоронила сына, который был сам отцом, похоронила своего мальчика. Для меня он всю жизнь мальчик... Жизнь кончилась, но жить нужно было. Как!

бе не пытается объяснить, в ней нет аналитической пылкости русского актера, присущей ему необходимости разобраться в себе, изучить актерскую природу. Часто видишь, как она впервые задумывается над какой-то из своих тайн, когда спросишь ее об этом.

Вспоминаю, как рассказывали мне большие русские актеры М. Яншин, П. Масальский о необходимости пастраиваться на вечерний спектакль, о том, что этот день бывал особенный, непохожий на другие.

По Верико Анджапаридзе вы никогда не угадаете, играет она сегодня или нет. День как день, все как обычно. Все как всегда. Перед спектаклем с ней можно говорить о чем угодно, ей это не мешает. В антракте можем продолжить беседу. Кажется, что в ней какая-то кнопка включается, выключается. Независимо от нее. Верико соглашается и рассказывает, как читала Н. Охлопкову у него дома монолог Офелии. Тогда от того, как она прочтет монолог, зависела ее судьба.

Как сосредоточиться в этой комнате, где нет ничего привычного, а есть Охлопков, с которым накануне рассорились? Как? Вспомнила Марджанишвили, его внимательные глаза, вспомнила, как он нежно отправлял ее на сцену. Верико включилась, кажется, удачно. Зазвонил телефон. Пришлось прервать. Охлопков извинился, поговорил, вернулся. Опять начала монолог. Опять зазвонил телефон. Охлопков извинился, ответил, положил аппарат под подушку. Верико начала снова... Зазвонил телефон. Охлопков постарался заложить аппарат так, чтобы его не было слышно. В промежутках между звонками он слушал ее очень внимательно. В конце концов удалось дочитать монолог Офелии. Охлопков кинулся к телефону, стал звонить Третьякову, который Верико ему рекомендовал, в театр, друзьям, кричал, что у него в комнате замечательная актриса, которой ничего не стоит молниеносно включиться в образ...

Большой артист — всегда загадка, и сколько бы мы ни задавали вопросов, сколько бы ни пытались отгадать феномен художника, что-то всегда останется тайной. И это прекрасно! Как зритель, я знаю, что «крупный план» Станиславского — необъяснимое чудо, повторится, когда на сцену театра Марджанишвили выходит великая трагическая актриса Верико Анджапаридзе. Только ее глаза, ее прекрасное лицо, руки, голос слышишь и видишь. Все остальное куда-то уходит...

Когда-то она сыграла в кино Отарову вдову, одну из своих лучших ролей. Сегодня она играет ее на сцене театра, в спектакле по новеллам Ильи Чавчавадзе «Сто лет тому назад», сидит и рассказывает о трагической судьбе женщины. И поведется.

— Знаете, я хочу вам сказать одну, по моему, интересную вещь о себе. Я ощутила это только в последнем спектакле. Понимаете, я почти сорок минут нахожусь на сцене, рассказываю за эту историю Отаровой вдовы. На сцене я не чувствую себя на сцене. Я совершенно забываю о зрительном зале, о том, что между нами расстояние. Что надо зрительный зал «взять». Просто я живу эти сорок минут как-то иначе. Мне все кажется, что я не на сцене. Нет! Объяснить не могу. Мне самой интересно, что это такое... Дело не в том, что я свободна, раскованна. Этого недостаточно.

Может быть, так сказывается опыт прожитой жизни на сцене и не на сцене? Нет. Здесь что-то более серьезное, что я пока объяснить не могу. Мудрость ли, простите за нескромность? Нет! Не знаю. Но, кажется, первый раз в жизни мне хочется понять, что со мной происходит...

Беседу вела
Бела БАРСКАЯ.